

6. Андронников И.Л. Лермонтов. — М., 1951.
7. Матвеев О.В. Лермонтов и казачество // Вопросы казачьей истории и культуры. — Майкоп, 2002.
8. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 3. М., 2000. В ссылках на это издание указываются том и страницы.
9. Белецкая Е.М., Саркисян Е.И. Лермонтовские «черкесы»: Кубань или Терек? // Археология, этнография и краеведение Кубани: Материалы 12 всероссийской межвузовской конференции / Под ред. В.Б. Виноградова, И.И. Марченко. — Краснодар, 2004.
10. Дурьлин С. На путях к реализму // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы. — М., 1941.
11. Михайлова Е.Н. Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения // Там же.
12. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. — М., 2003. Запись датирована 30 октября 1840 года. Непосредственно к сражению 11 июля 1840 г. относятся документы на с. 393—403.
13. История русской литературы. В 4-х т. Т.2: От сентиментализма к романтизму и реализму. — Л.: Наука, 1981.
14. Троицкий В.Ю. Словесность в школе. — М., 2000.
15. Библиография литературы о М.Ю. Лермонтове. 1917-1977 / Сост. О.В. Миллер. — Л.: Наука, 1980. С.512; Андронников И.Л. Лермонтов. М., 1951. Гл. 9 и др.
16. Белинский В.Г. О русских классиках. — М., 1978.
17. Ткачев Г.А. Станица Червленая. — Владикавказ, 1912.
18. Кулебякин П. Из местных воспоминаний о М.Ю. Лермонтове // Терские ведомости. 1886. №14. (перепеч.: Петербургская газета. 1886. №63).
19. Русская литература и фольклор: первая половина XIX века. — Л., 1976.
20. Виноградов А.В., Ростунов Е.В. «Казачья колыбельная песня»: колорит 1836—1837 гг. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. — Армавир, 2000.
21. Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. — Владикавказ, 1911.
22. Мендельсон Н.М. Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венок Лермонтову. — М., 1914.
23. Семенов Л. Лермонтов и Лев Толстой. — М., 1914.
24. Семенов Л. Лермонтов на Кавказе. — Пятигорск, 1939; варианты песни были записаны в гребенских станицах Ф.С. Панкратовым, Б.Н. Путиловым, студентами ЧИППИ под руководством В.Г. Чеботаревой.
25. Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен. Вып. 1: Гребенское войско. — СПб., 1880.
26. Заметки Н.Я. Берковского о Лермонтове. Публикация Л.А. Виротайнен // Лермонтовский сборник. — Л.: Наука, 1985.
27. Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарий. Изд. 2-е, доп. — Л., 1975.

© Девятайкина Г.Л.
г. Новоуральск

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ В УРАЛЬСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И В ОЧЕРКАХ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «БОЙЦЫ»

«Нам кажется, что история не повторяется... Но вымирали поколения, изменялись формы, в какие отливалась народная жизнь, а голутвенные людишки продолжают существовать по-прежнему и по-прежнему безвестно творят русскую историю».

— пишет Д. Мамин о «Очерках весеннего сплава». В этих словах чётко выражен взгляд писателя на историю.

Дмитрий Наркисович — писатель, вошедший в литературу 19 века «известной неизвестностью». Это не просто игра слов: их можно отнести как к писателю, так и к Уралу — краю, который открыл Мамин-Сибиряк «не только Уралу, но и России, в особенности вернул старое, древнерусское, исконное, что лежало в старом Урале». Так считает Сергей Яковлевич Елпатьевский [1:201].

Действительно, в «Бойцах» Дмитрием Наркисовичем создана метафоричная система уральских образов: это и «старик Урал», и «геологическая морщина» [3:281], и «золотое дно России», и «исторический порог в Азию» с его «капризной горной красавицей» Чусовой. Она каждую весну «играла на славу, как вырвавшийся из неволи зверь». А «старые-старые старики и самые древние старушки» приходили на берег своей поилицы-кормилицы, чтобы хоть одним глазком взглянуть на игрища матушки-Чусовой.

Сёла и маленькие «деревнюшки»...разбрелись по берегу» этой реки без всякого плана и порядка. Бассейн «самой живой уральской артерии» «в течение нескольких столетий служил кровавой ареной, на которой кипела самая ожесточённая борьба аборигенов с безвестными пришельцами».

Рассуждения автора-повествователя о кровавом ходе истории дают возможность понять, как складывалось особое население Урала. Ведь много веков назад «голутвенные и обнищавшие людишки» взяли Камень, а в течение последних веков на Камень со всех сторон бежали раскольники. Отсюда и название села Каменка — места начала слава барок по реке Чусовой.

На это указывает намёк на топонимическое предание. Особенностью «Очерков весеннего сплава» является большое количество таких рассказов, включённых в текст произведения и помогающих нам понять историю в её прошлом, настоящем и будущем.

Так охраняют горную красавицу «бойцы». Их много. Бойцами называют камни, которые выступают в реку «отдельными утёсами, точно зубы гигантской челюсти». Возникший образ чудовищ (также заимствованный из фольклора) помогает представить картину сплава, ощутить ужас, сопровождающий бурлаков, вынужденных вести битву с буйной и сильной рекой. Кстати, тема битвы является сквозной в очерках «Весеннего сплава»: борьба воды со скалами, от которой среди каменных стен «на душе становится жутко»; бесконечная борьба бурлаков «с слепыми силами мёртвой природы» во время сплава; борьба человека с Чусовой, с «бойцами», с другим человеком... Создаётся впечатление, что вся жизнь на Урале — борьба, битва, результатом которой часто является следующая картина: «Доски, люди, брёвна — всё смешалось в живую кучу, которая барахталась и ползала под бойцом, как раздавленное пятидесятиголовое насекомое» [3:316].

Это результат борьбы с «бойцами». Именно им посвящена большая часть топонимических преданий в очерках. Скалы очень опасны, с «чёрными пастями», «покатыми рёбрами», «похожие на амбразуры бастиона», такие «дикие и угрюмые», похожие на ту «чудь», которая ушла под землю и забрала с собой несметные богатства земли уральской. Неслучайно герой очерка «Золотуха» говорит: «...Всем золото треба, все его шукуют...пхе! А оно у нас под носом...Пхни рылом землю, вот и золото» [3:340]. Это золото охраняет Чусовая и её помощники — камни.

Мы рассмотрели особенности топонимических преданий в «Бойцах» и поняли, что:

— размеры преданий различны: от лаконичной информации о слухах и толках, до развёрнутого повествования;

— в очерках Мамин-Сибиряка важную роль в создании образа Урала играют топонимические предания:

а) повествующие о происхождении географического названия, связанного с конкретным лицом или событием. Например:

Деревня Пермьякова замечательна тем, что представляет собой типичное разбойничье гнездо. По рассказам, лет двести тому назад здесь поселился разбойник Пермьяков, который грабил проходившие мимо суда... Старики-то сказывали, что сам-то Пермьяков, старик-от промышлял насчёт бурлаков, которые со сплаву шли. Выйдет этак с винтовкой на тропу, по которой бредут бурлаки, и караулит: который отстал от артели, он его и залобует (залобует — убьёт).

В шести верстах от деревни Пермьяковой стоит боец Писанный. Своё название он получил от надписи, которая сделана на нём в двадцати саженьях от уровня реки. Надпись выветрилась, так что ничего нельзя разобрать; с барки можно рассмотреть только высеченный в скале крест. Здесь в 1724 году родился Никита Акинфиевич Демидов, о чём и гласила надпись ([3:279], рассказал Савоська).

В тридцати четырёх верстах от Кына стоит камень Ермак. Это отвесная скала в двадцать пять сажень высоты и в тридцать ширины. В десяти саженьях от воды чернеет отверстие большой пещеры, как амбразура бастиона. Попасть в эту пещеру можно только сверху, спустившись по верёвке. По рассказам, эта пещера разделяется на множество отдельных гротов, а по преданию, в ней зимовал со своей дружиной Ермак... В настоящее время Ермак-камень имеет интерес только в акустическом отношении; резонанс здесь получается замечательный, и скала отражает звук несколько раз. Бурлаки каждый раз, проплывая мимо Ермака, непременно крикнут: «Ермак! Ермак!..» Громкое эхо повторяет слово, и бурлаки глубоко убеждены, что это отвечает сам Ермак, который вообще был порядочный колдун и волхит, то есть волхв [3:292].

б) топонимические предания, связанные с особенностями местности:

Кыновский завод засел в глубокой каменной лощине на левом берегу, где Чусовая делает крутой поворот. «Кыну» по-пермяцки значит «холодный», и действительно, в Среднем Урале не много найдётся таких уголков, которые могли бы соперничать с Кыном относительно дикости и угрюмости вида окрестностей» [3:289].

в) ассоциативные топонимические предания:

Около Кына и дальше...расположены четыре очень опасных бойца. Сначала Кирпичный, на правой стороне. Это громадная скала, точно выложенная из кирпича. Затем...нависла над самой рекой громадная скала Печка. Своё название этот боец получил от глубокой пещеры, которая чёрной пастью глядит на реку у самой воды; бурлаки находят, что эта пещера похожа на «цело» печки, и окрестили боец печкой [3:291].

Скоро мы завидели и Молоков. Это была громадная скала, стоявшая к верховьям реки покатым ребром, образуя наклонную плоскость, по которой вода взбегала пенящимся валом на несколько сажен и с ужасным рёвом скатывалась обратно в реку, превращаясь в белую пену. Вся река под Молоковым представляла собой белую вспененную массу, точно кипящее молоко; отсюда и название бойца Молоков [3:312].

г) легендарное топонимическое предание:

Пониже Чусовских Городков, на высоком левом берегу стоит красивое село Монастырёк. Глядя на него с Нижних Чусовских Городков, так и кажется, что всё село с своей красивой белой церковью точно висит в воздухе. Здесь в 17 столетии подвизался преподобный Трифон. Миссионер, действовавший в духе Стефана Великопермского. Он несколько времени жил среди остяков, на берегу р. Мулянки, — впадает в Каму ниже Перми, — где срубил и сжёг громадную ель, которой молились остяки. Вскоре он переселился в Чусовские Городки и основал Успенский монастырь на том месте, где теперь стоит село Монастырёк. [3:326].

Художественный образ в топонимических преданиях часто создаётся с помощью олицетворения. Д.Н.Мамин-Сибиряк, описывая красоту чусовских берегов, исполь-

зует этот приём как по отношению к реке она может ходить [3:227], сердиться [3:244], «безжалостно уносить с собой, точно слизывая широким холодным языком всякие следы живой растительности, осмеливающейся переступить роковую границу, за которой кипит страшная борьба воды с камнем» [3:273]; вода может спать [3:257], так и по отношению к камням: «боец» ждёт добычи [3:273], «другим ребром боец (Молоков) выступал в реку, точно выдвигая каменный таран» [3:312]. Вспомним, известная легенда о Змее-полозе говорит о том, что, «когда остывать стал полоз, огненная кровь в нём нефтью стала. Рёбра — камнями. Позвонки, хребты стали склонами. Чешуя — самоцветами. А всё прочее — всем, что только есть в земной глубине. От солей до алмазов. От серого гранита до узорчатых яшм и мраморов».

Помимо олицетворения уральский писатель умело использует приём сравнения для создания образа «бойцов». Так название Молоков произошло от «белой вспененной массы, точно кипящее молоко» [3:312], на которую становилась похожа река, протекая около данной скалы, а камни Столбы похожи на «остатки какой-то гигантской колоннады, заваленной мусором» [3:292].

Содержание таких рассказов, зафиксированных в фольклорных сборниках, практически совпадает с текстами, использованными Маминым-Сибиряком в цикле очерков «Бойцы». Это не случайно. «Лучшие из народных топонимических преданий цельны в сюжетном отношении и устойчивы в смысле текста», — считает В. П. Кругляшова. В сборнике уральских преданий читаем о камне Писаный: «Писаный камень — Демидов писал на нём. В 1724 году 8 августа сын у него родился от незаконной жены, а они тут проплывали». Этот рассказ записан со слов А. С. Гилева в селе Сулем И. Селаври. У Д. Н. Мамина-Сибиряка в «Очерках весеннего сплава по реке Чусовой» читаем: «...боец Писаный. Своё название он получил от надписи, которая сделана на нём...; с барки можно рассмотреть только высеченный в скале крест. Здесь в 1724 году родился Никита Акинфиевич Демидов, о чём и гласила надпись». Как видим, предания содержат один и тот же факт, объясняющий происхождение названия, дата надписи тоже не искажена. В отношении фактов Дмитрий Наркисович всегда был очень точен. О. К. Лагунова пишет: «Мамина-писателя отличает исторический подход к описываемым явлениям и событиям жизни. У него не просто констатация фактов, интересных деталей, малоизвестных сведений из истории родного края. Всё, собранное им из разных источников, излагается в развитии: от глубокого прошлого — к настоящему, а от него — к будущему» [5:117].

В какое бы время мы не обращались к собиранию фольклора, рассказчиками преимущественно являются старики. Д. Н. Мамин-Сибиряк постиг «институт заводских стариков» в юном возрасте, и, включая народный эпос в свои произведения, об этом не забывал. Рассказчиками преданий в очерках являются простые люди. Так произнести повествование о происхождении деревни Пермяковой, названной в честь разбойника, автор доверяет Савоське, герою с очень противоречивым характером, как горная красавица Чусовая — опасная «матушка-река» или, как его родной Урал. Автор проводит параллель между поведением реки и людей из народа: ведь убежала же Чусовая от «старика-Урала», значит, и люди в будущем сумеют стать свободными.

Сплавишки находят в топонимических преданиях надежду на спасение, веру в возможность лучшей жизни. Им отвечает дружеским приветствием боец «Ермак», а, глядя на «воздушное село Монастырёк», жить становится легче. Это легендарное предание завершает повествование о весеннем сплаве бурлаков, таким образом, связывая прошлое с будущим. Мамин-Сибиряк верит в лучшую жизнь простого народа, ведь преподобный Трифон — один из главных святых на Урале.

Обращение Дмитрия Наркисовича к устным народным историям помогло ему лучше разобраться в настоящем и предвидеть будущее Урала. В этом своеобразии Мамина-Сибиряка как писателя.

«История, — говорил он, — поучительна: прошедшее чреватое будущим» [3:401].

Писатель понимал, что творят историю люди. «...Как ни легко дышится на этом зелёном просторе, под этим голубым бездонным небом — глаз невольно ищет признаков человеческого существования, в сердце вспыхивает радость живого человека..., когда там, со дна глубокого лога, взвѣется кверху струйка синего дыма. Всё равно, кто пустил этот дым — одинокий ли старатель, заблудившийся ли охотник, скитский ли старец: вам дорога именно эта струйка, потому что у огня греется ваш брат человек» [3:394]. И хотя много «зла, несправедливости несёт с собой человек всюду», но именно он создаёт духовные и культурные ценности края, поэтому в «Бойцах» автор подробно показывает повседневный быт людей, их традиции (праздники, чаепитие,...), совершаемые ими обряды (молитва бурлаков). «Хорошо делается на душе, когда смотришь на эту картину молящегося народа; и молитва, и труд, и недавняя опасность — всё сливается в один стройный аккорд» [3:274].

Таким «стройным аккордом» и сейчас звучит слово «Урал» — «Камень», «Каменный Пояс», открытый для нас Маминым-Сибиряком, который относился к родине «с смешанным чувством страха и благоговения» [3:387]. Писатель создал в своих произведениях край, где «в небо дыра», «с крутыми уступами гор», с «безыменными горными речушками, которые образуют собой живую подвижную сетку». Урал хорош сам по себе, однако «присутствие людей оживляет..., делает эту картину даже красивой, как проявление самой кипучей человеческой деятельности» [3:339].

По мнению Мамина, этот край не может существовать без людей, большинство из которых «каким-то ветром занесло на Урал» [3:340]. Писатель считал, чтобы «открывался в беспорядке порядок», и вся масса человеческого труда освещалась разумной мыслью», нужно «пройти прииск», «осуществить сплав по реке», прожить жизнь «из конца в конец». Один конец, как мы думаем, уходит корнями в прошлое, другой — стремительно несётся в будущее.

Примечания:

1. Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962.
2. Дергачёв И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-биографический очерк. — Свердловск, 1981.
3. Мамин-Сибиряк Д. Н.. Уральские рассказы. — Свердловск, 1983.
4. Кругляшова В. П. Предания реки Чусовой. — Свердловск, 1961.
5. Лагунова О. К. Исторические экскурсии в публицистике Д. Н. Мамина-Сибиряка./ / Русская литература 1870-1890. — Свердловск, 1975. Сб. 8.

© Макарова Т.Б.
п. Верх-Нейвинский

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА В РЕАЛИЗАЦИИ ОБЛАСТНОЙ ПРОГРАММЫ «РОДНИКИ»

Экспедиционный отряд «Летописцы» при школьном этнографическом музее участвует в программе «Родники» третий год. Ребята не только занимались хозяйственными работами, но собирали фольклорный материал о родниках и колодцах. К этому нас побудили встречи с жителями поселка, которые многое знают и помнят. Многие фольклорные произведения встречаются в других регионах, но в поселке они бытуют и сегодня.

Род — родители — родина — народ-родник... Корень каждого из слов в этой цепочке означает рождение. Наши предки на суровой уральской земле воду добывали издавна. Это был тяжелый и опасный промысел, особенно вдали от озер и рек, на склоне гор. «Воду искали с помощью ивовой лозы, крутившейся или клонившейся в